

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНСТИТУТОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕОРИЙ)

Д.С. КОКОРХОЕВА

*Ингушский
государственный
университет*

e-mail: dugurhan@mail.ru

В статье проведен сравнительный анализ современных теорий институтов политической власти. Выявлены возможности нормативного, социологического и исторического институционализма в изучении политической власти современной России.

Ключевые слова: институт политической власти, теории политических институтов, сравнительный анализ.

Исследования институтов власти относятся к приоритетным направлениям современной политической науки. Не претендуя на исчерпывающее исследование институционального подхода на теоретико-методологическом уровне, мы проведем сравнение теорий политических институтов власти, созданных в современной мировой политологии.

Цель статьи – выявить эвристические возможности основных теорий институтов власти применительно к анализу современной политической системы России.

Первоначальный (классический) институционализм применял описательно-индуктивный подход к правовым нормам, формализованной структуре и задачам системы государственной власти. Основное внимание в общей совокупности институтов политики уделялось государственным органам власти, их правовому статусу и официальным целям деятельности. Таковы работы В. Вильсона, К. Фридриха, Дж. Брайса, Т. Коула, М. Вебера¹. Например, М. Вебер считал институты общественными учреждениями, обладающими рациональными установлениями, на которые обязан ориентироваться любой индивид в обществе. Институт обладает аппаратом принуждения, обеспечивает посредством принудительных санкций поведение людей в соответствии с общественно принятыми нормами. М. Вебер различал институты как рациональные и формализованные объединения, а также союзы (семью, патриархальное политическое сообщество, религиозную общину)². Вплоть до 1980-х гг. институты расценивались в мировой политической науке как формализованные состояния объектов, законы или производные от них распределения компетенций, методы властвования³.

В середине 1980-х гг. складывается обновлённый институционализм (неоинституционализм). Он отличается от классического институционализма по целому ряду важнейших аспектов⁴. Источником воспроизводства институтов признаётся легитимность в массовом сознании, а не правовые нормы. Когнитивной основой политического порядка считается не обязательства, а привычки и практические действия. Формальная структура общества рассматривается как символически обусловленная, а не юридически заданная. Акцент смещается от анализа организаций к исследованию сообществ и пространств (полей). Особенности неоинституционализма проявляются в том, что политические институты трактуются в свете взаимодействия формальных

¹ Friedrich C.J./ Constitutional Government and Democracy: Theory and Practice in Europe and America. Boston, 1950; Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Политическая наука: новые направления / Под ред. Х.-Д. Клингеманна, Р. Гудина. М., 1999.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.536-537.

³ Патрушев С.В. Институционализм в политической науке // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М., 2006. С.8-9.

⁴ Peters G. Institutional Theory in Political Science: The «New Institutionalism». L.; N.Y., 1999; Политическая наука: Новые направления...С. 43.

норм и неформальных правил игры. В центре внимания оказываются социокультурные ценности символы, стереотипы и процедуры, воздействующие на структурирование макрополитики⁵.

Неоинституциональный подход предполагает расширительное определение институтов как «правил игры» в обществе, т.е. ограничительных рамок, которые организуют взаимоотношения между людьми и группами, задают структуру побудительных мотивов человеческого взаимодействия⁶. В 1984 г. Дж. Марч и Й. Олсен дали определение институтам, общее для всех вариантов неоинституционализма: «Институт есть относительно устойчивый набор правил и организованных практик, воплощённый в структурах значений и ресурсов, которые являются инвариантными по отношению к индивидам и устойчивыми перед специфическими предпочтениями и ожиданиями индивидов, и перед меняющимися внешними условиями»⁷. Основными единицами анализа в данном подходе признаются «правила, порядки, нормы и значения «института», а не микрорациональные индивиды и не макросоциальные силы»⁸. При этом учитывается ведущий параметр институтов – их способность изменяться во времени под воздействием внутренних характеристик, а также внешних условий и факторов общественной среды.

Усилия неоинституционалистов сосредоточены на объяснении вопросов: каким образом возникают и развиваются политические институты; какое воздействие они оказывают на политическое поведение индивидов и групп, на процесс принятия властных решений; под влиянием каких факторов институты изменяются. Вместе с тем, эксперты осознают, что институтам присущ определённый консерватизм, т.е. они «сопротивляются» возможным изменениям и обеспечивают тем самым преемственность общественных структур и норм.

Неоинституционалисты, в отличие от представителей классического институционализма, изучают не только государственные органы власти и нормы законодательства. Их интересуют все государственные и социетальные институты⁹, которые формируют способы выражения политическими акторами своих интересов и структурирования их отношений по поводу власти с другими группами; правила конкуренции на выборах; структура партийных систем; отношения между органами государственной власти; экономические акторы- предпринимательские объединения и профсоюзы¹⁰.

Операциональными категориями анализа политических систем, кроме институтов, признаются в неоинституционализме акторы, ресурсы и стратегии (см. работы Ф. Шмиттера и Г.О'Доннелла, А. Степана, Х. Линца о переходах от авторитаризма к демократии)¹¹. Эти категории позволяют выявить динамику политических институтов, их позиционирование в пространстве власти и влияния.

Акторы определяются как те субъекты политической деятельности и политического процесса, которые обладают достаточным потенциалом влияния на принятие властных решений, способны к осознанному целеполаганию и конструированию стратегий своего действия. Следовательно, акторы – это только высокостатусная часть «игроков» в политическом пространстве.

⁵ Патрушев С.В. Указ. соч. С. 15-16.

⁶ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17.

⁷ The Oxford Handbook of Political Institutions/ Ed. by R.A.W.Rhodes, S.A.Burder, B.A. Rockman. Oxford, 2006. P. 3.

⁸ Op.cit. P. 16.

⁹ March J.G., Olsen J.P. The New Institutional ism: Organizational Factors in Political Life// American Political Science Review. Washington, 1984. Vol. 78.

¹⁰ Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis/ Ed. by S. Steinmo et al. Cambridge, 1992. P. 2.

¹¹ Transitions from Authoritarian Rule: Prospects for Democracy / Ed.by G. O'Donnell, Ph. Schmitter, J.Whitehead. Vol.1-4. Baltimore; London, 1986.

Ресурсы определяются в качестве всех материальных и духовных благ, которые имеют ценность (могут активироваться) в конкуренции за политическое влияние и власть. Ресурсы обычно классифицируются на экономические, организационные, социальные, политические, правовые, информационные.

Стратегии политического действия в неинституционализме определяются как формы взаимодействия акторов политики, обуславливающие характер действий акторов по отношению к своим контрагентам¹². Совокупность стратегий зависит и от состава акторов, и от их ресурсной базы, и от параметров институтов политической власти¹³.

Неинституциональный подход даёт возможность выявить реальные, а не только формально-правовые аспекты политического процесса; установить долгосрочные и ситуационные факторы конструирования системы органов власти. При этом неформальные политические институты и практики рассматриваются в качестве закономерных проявлений политики, а не своего рода девиаций – «отступлений от нормы».

Вместе с тем, неинституционализм не является однородным теоретико-методологическим подходом к анализу политики. Уже на стадии своего формирования (1980-х гг.) данный подход разделился на самостоятельные школы (виды). Чаще всего, к ним относят нормативный подход (Дж. Марч, Й. Олсен)¹⁴, исторический институционализм (П. Холл, Т. Скокпол, С. Стеинмо, К. Телен и др.)¹⁵, институционализм рационального выбора (Э. Остром, К. Шепсл)¹⁶, социологический институционализм (Ф. Селзник, П. Димаджо, У. Пауэлл)¹⁷. Указываются также более поздние по формированию школы неинституционализма: конструктивистский, дискурсивный (концептуальный), структурный, сетевой, когнитивный¹⁸.

Не претендуя на специализированный детальный анализ основных школ неинституционализма, ограничимся их краткой характеристикой в аспекте нашей темы.

Нормативный неинституционализм (Дж. Марч, Й. Олсен) сосредотачивает внимание на способности политических учреждений вырабатывать нормы и ценности. Сквозь их призму объясняются политические процессы различных уровней. Нормативисты полагают, что институт – это реализованная в повседневной практике норма поведения, ставшая типичной и устойчивой (рутинной). Любая норма зарождается в качестве неформальной и локальной, а затем проходит проверку на прочность в ходе процесса институционализации.

Дж. Марч и Й. Олсен рассматривают институт как сравнительно устойчивую совокупность правил и организованных практик, укоренённых в структурах значений

¹² Sartori G. *The Theory of Democracy Revisted*. Vol.1. The Contemporary Debate. Chatham, 1987. P. 224.

¹³ Россия регионов: трансформация политических режимов/ Общ. ред. В. Гельман, С. Рыженков, М. Бри. М., 2000. С. 29-30.

¹⁴ March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering Institutions*, - N.Y., 1989; March J.G., Olsen J.P. *Institutional Perspectives on Political Institutions // Governance: An International Journal of Policy and Administration*. 1996. Vol. 9. № 3.

¹⁵ Hall P., Taylor R. *The Potential of Historical Institutionalism// Political Studies*. 1998. Vol. 46; Skocpol T. *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge, 1979; Steinmo S. et al (eds). *Structuring Politics: Historical Institutionalism in Comparative Analysis*. Cambridge, 1992; Thelen K. *Historical Institutionalism in Comparative Politics// Annual Review of Political Science*. 1999. Vol. 2.

¹⁶ Ostrom E. *Rational Choice Theory and Institutional Analysis: Toward Complementarity// American Political Science Review*. 1991. Vol. 85; Shepsel K. A. *Studying Institutions: Some lessons from the Rational Choice Approach// Journal of Theoretical Politics*. 1989. Vol.1. № 2.

¹⁷ Selznick P. *Foundations of the Theory of Organizations// American Sociological Review*. Menasha, 1948. Vol. 13. № 1. P. 25-35; idem. *Leadership in Administration: A Sociological Interpretation*. N.Y., 1957; *The New Institutionalism in Organizational Analysis/ Ed. by P. Di Maggio, W.W. Powell*. Chicago; London, 1991.

¹⁸ *The Rise of Neoliberalism and Institutional Analysis/ Ed. by J.L. Campbell, O.K. Pedersen*. Princeton, 2001; Schmidt V.A. *Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science*. Palo Alto, 2008. Vol. 11. P. 303-326.

и ресурсах¹⁹. Они относительно инвариантны при смене индивидов. Сравнительно устойчивы к особым предпочтениям и ожиданиям акторов, к изменяющимся внешним обстоятельствам. Конститутивные правила и практики предписывают поведение субъектов. Структуры значений, выраженные в идентичностях и предметах, объясняют, оправдывают и легитимируют коды поведения. Структуры ресурсов создают возможности для действий.

По выводам нормативистов, политические институты носят эндогенный и социально-конструируемый характер. Тем самым, Дж. Марч и Й. Олсен достигли нового синтеза структурно-функционального и социокультурного аспектов анализа. Институты зависят от истории и культуры, «укоренены» в них, поскольку строятся вокруг осмысления цели жизни и векторов её развития.

Теории рационального выбора в неонституционализме (Э. Остром, К. Шепсл, Д. Норт) иначе, нежели нормативизм, объясняют институционализацию. Для них в центре внимания – рациональный индивид, способный выбрать наилучший для себя сценарий (стратегию) активности, исходя из личных предпочтений и расчёта баланса издержек и прибыли. Институты являются в этом контексте правилами взаимодействия индивидов, «договорённостями», которые снижают уровень неопределённости и трансакционные издержки. Д. Норт определял институты как «правила игры», т.е. «созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми...Институты включают в себя все формы ограничений, чтобы придать определённую структуру человеческим взаимоотношениям»²⁰. То есть, институты считаются внешними ограничителями поведения индивидов, регулятивными правилами. Вместе с тем, теории рационального выбора признают «спонтанно возникающие институты» – традиции, обычаи, привычки и др.²¹

Институционализм рационального выбора неоднороден. По мнению К. Шепсла, в его рамках выделяются подходы Э.Даунса и Р. Калверта²². В первом из них институты трактуются как внешние ограничители или установленные извне «правила игры», определяющие предпочтения и действия акторов политики. В подходе же Р. Калверта институты считаются непосредственным результатом, плодом взаимодействия акторов политики. Правила возникают в процессе, а не извне него. Их эффективность обеспечивается установками активности и ценностями в большей степени, чем правовым принуждением.

По признанию теоретиков рационального выбора (К. Шепсл), данный подход наиболее эффективен в изучении устойчивых во времени, высокоструктурированных институтов. Это вызвано наличием достаточно чётких институциональных правил и процедур (выборы, назначение госслужащих), позволяющих доказательно установить мотивы, цели, результаты действий акторов политики²³.

С точки зрения К. Шепсла, институциональный порядок – это эквilibrium рациональных предпочтений и стратегий акторов в итоге их взаимодействия²⁴. Институционализация политического порядка трактуется в качестве результата взаимодействий между рациональными акторами. Это следствие определённого соотношения (эквilibrium) ресурсов и возможностей, которыми актёры обладают (Н. Шёфилд)²⁵.

¹⁹ Патрушев С.В. Институциональная политология: четверть века спустя // Политическая наука. 2009. № 3. С. 11-12.

²⁰ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17-18.

²¹ Там же. С. 56.

²² The Oxford Handbook of Political Institutions/ Ed. by R.A.W.Rhodes, S.A.Burder, B.A. Rockman. Oxford, 2006. P. 24.

²³ The Oxford Handbook... P. 28.

²⁴ Shepsle K. Institutional Equilibrium and Equilibrium Institutions // Political Science: The Science of Politics / Ed. by H. Weisberg. N.Y., 1986.

²⁵ Schofield N. Modeling Political Order in Representative Democracies // Political Order/ Ed.by I. Shapiro, R. Hardin. N.Y., 1996. P. 86-110.

Исторический неoinституционализм (П. Холл, С. Стейнмо, К. Телен) определяет институты как формальные и неформальные процедуры, нормы и соглашения, глубоко укоренённые в организационной структуре политической системы. Первоначальный выбор оказывает глубокое определяющее воздействие на все последующие политические решения. Институт воспринимается, скорее, как обеспечивающий долгосрочную преемственность, а не реформы и инновации. По мнению Э. Сандерса, данная научная традиция основана уже в работах Дж. Локка, А. де Токвиля, М. Вебера, В. Вильсона и других классических теоретиков политической науки²⁶. Она концентрирует внимание на том, каковы трансформации либо постоянные черты «институционального дизайна» во времени. Центральными категориями исторического институционализма считаются власть и политические интересы; отношения между политикой, государством и обществом. Репрезентации интересов формируются коллективными акторами и институтами, которые несут «следы» своей истории.

Организации и институты в историческом подходе считаются первичными по отношению к акторам политики (Э. Нордлингер, Т. Скокпол, А. Степан, Ч. Тилли, П. Холл и др.)²⁷. Данный подход желает выявить институциональные действия акторов: интересы организаций, идеологические и ценностные ориентации на уровне социальных групп и обществ. Поведение осмысливается в качестве итога традиций, формируемой социализацией и обучением. Основными темами исторического неoinституционализма являются: анализ государства и степени его автономии от общества; исследования бюрократии, социальных групп и групп интересов в связи с политическими изменениями; выявление базовых элементов институтов (рутин, правил, норм, ценностей и идей).

Однако исторический институционализм, как признают его сторонники²⁸, неоднороден. Внутри него выделяется три течения, по-разному объясняющие «источники» формирования институционального строя и акторов, играющих инициативную роль.

Первое течение (К. Оррен, С. Сковронек)²⁹ расценивает формирование и изменения политических институтов как процесс, идущий «сверху вниз». Соответственно, основное внимание уделяется действиям элит, лидеров, групп интересов, которые не только сами принимают властные решения и создают структуры власти, но и производят идеи, определяющие поведение всех остальных участников политики.

Второе течение (Т. Скокпол, Э. Клеменс)³⁰ интерпретирует динамику политических институтов как процесс, направленный «снизу вверх». Его создали, в основном, социологи-специалисты по общественным движениям и их воздействию на государственную политику.

Третье течение исторического институционализма расценивает динамику институтов в качестве итога взаимодействий институтов государства и социальных агентов (В. Меркель, Н. Круассан)³¹.

Исторический неoinституционализм дает возможность учесть роль «траектории предшествующего развития», установить баланс формальной и неформальной институционализации органов власти. Данный подход рассматривает институты как формальные и неформальные процедуры, нормы и соглашения, определяющие принятые в обществе практики политического действия.

²⁶ The Oxford Handbook... P. 40.

²⁷ Nordlinger E.A. On the Autonomy of the Democratic State. Cambridge, 1981; Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge, 1979; Stepan A. State and Society. Princeton, 1978; Tilley Ch.(ed). The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975; Hall P.A. (ed.) The Political Power of Economic Ideas. Princeton, 1989.

²⁸ The Oxford Handbook... P.40.

²⁹ Skowronek S., Orren K. Beyond the Iconography of Order: Notes for a «New Institutionalism» // The Dynamics of American Politics: Approaches and Interpretations. Boulder, 1994.

³⁰ Skocpol T. States and Social Revolutions...

³¹ Меркель В., Круассан Н. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // Полис. 2002. № 1. С. 6-17; № 2. С. 20-30.

Социологический подход в неинституционализме связан с акцентом на самоорганизацию общественных структур, норм и практик. В центре внимания находятся проблемы агрегации и артикуляции групповых социальных интересов, их выражения «на языке» наиболее распространенных ценностей и ориентаций массового сознания. Так, У.Р. Скотт выделял три «столпа» институтов, причем подходит к теме с позиций синтеза измерений: «Институты состоят из когнитивных, нормативных и регулятивных структур и деятельностей, которые производят стабильность и придают значимость социальному поведению»³². Авторы данного направления (Э. Иммергут, Ф. Селзник) ставят в центр внимания достижение легитимности институтов в динамичной общественной среде³³. Они сходятся в том, что политические предпочтения выражаются агрегированными, а не атомизированными институтами. Коллективные решения не являются простой суммой индивидуальных решений. Они формируются под организационным давлением. Институты влияют на направление агрегирования интересов так же, как и индивиды, социальные группы.

Основы социологического подхода в институционализме заложил еще М. Вебер. Он доказывал, что причина институционализации (появления формальной структуры) связана с легитимностью³⁴. Такие формальные структуры включают в себя рациональные институциональные правила, стремятся соответствовать им. В развитие веберовской традиции П. Димаджю и У. Пауэлл создали концепцию организационного изоморфизма. Они полагали, что организации соперничают не только за ресурсы и клиентов (как в бизнесе), но также за политическую власть, легитимность и социальное соответствие. Механизмами институционального изоморфизма выступают: 1) принудительный изоморфизм, связанный с политическим влиянием и легитимностью, давлением иных организаций, со стандартами, процедурами и законами; 2) имитационный изоморфизм обусловлен стандартными ответами на неопределенность, стремлением заимствовать модели иных организаций и технологии, противоречивыми целями, неустойчивой общественной средой; 3) нормативный изоморфизм вызван профессионализацией. По доводам Ч. Перу, социологическая теория организации предполагает, что ограниченная рациональность и бюрократическая иерархия образуют механизмы господства³⁵. Т.е., акторы не знают своих рациональных (истинных) интересов; они когнитивно зависимы. Ограниченность времени и сведений вынуждают акторов руководствоваться процедурами, рутинами и процессуальными сценариями.

Вместе с тем очевидно, что один и тот же политический институт в различных социокультурных контекстах будет иметь качественно разный смысл (например, президентство в Швейцарии и в странах Тропической Африки). Следовательно, налицо проблема соответствия институтов социокультурной системе общества. Особенно остро данная проблема стоит в ситуациях неорганичного, навязанного «импорта» институтов³⁶. Современные нормы и учреждения могут переосмысливаться в традиционалистском и даже архаичном целеполагании властных акторов. Эта гипотеза важна для понимания политической институционализации системы власти в Российской Федерации.

Сопоставляемые версии неинституционализма (нормативная, рационального выбора, историческая и социологическая организационная) не исчерпывают все множество эвристически продуктивных. Так, дискурсивный институционализм

³² Scott W.R. *Institutions and Organizations: Foundations for Organizational Science*. Thousand Oaks, 1995. P. 33.

³³ Immergut E. *The Theoretical Core of the New institutionalism* // *Politics and Society*. Los Altos, 1998. № 1. P. 5-34.

³⁴ Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // *Политическая наука: Новые направления*. М., 1999. С. 160.

³⁵ Perrow Ch. *Complex Organizations A Critical Essay*. 3 ed. N.Y., 1986.

³⁶ *The Theory and Practice of Institutional Transplantation: Experiences with the Transfer of Policy Institutions* / Ed. by M.de Jong, K. Lahenis, V.Mammadouh. Kluwer Academic Publ., 2002. P. 26-27.

(В. Шмидт) осмысливает изменения политического порядка «изнутри». Он объясняет, как идеи акторов политического взаимодействия перестраивают их выбор и направления активности³⁷.

Данный подход называют также конструктивистским. По мнению его сторонников, институты неэффективны имманентно; они сами являются объектами непредсказуемой политической конкуренции. Как обобщает идеи конструктивистов К.Хей, поведение людей вызвано не материалистическими интересами, а нормативными ориентациями, необъясняемыми рационально. Для конструктивистов наиболее важны «когнитивные фильтры», через которые акторы воспринимают информацию о реальности, выстраивая на её основе свои стратегии действия; «их представления о том, что является осуществимым, легитимным, возможным или желательным, сформированы и институциональной средой, в которой они находятся, и бытующими в политическом сообществе парадигмами и мировоззрением»³⁸.

П.В. Панов полагает, что для конструктивистов правила и нормы, «смыслы» существуют не объективно, а только в политических практиках³⁹. В итоге регулярно повторяющихся взаимодействий субъективные представления, смыслы и значения становятся коллективными, рождают общие смыслы и значения. По мнению П.В. Панова, необходимо разграничивать институциональные практики и культурные основания политики, т.к. они автономны друг от друга. Смыслы, посредством которых люди интерпретируют свой опыт и направляют свои действия, служат надинституциональными «когнитивными схемами» порядка (К. Гирц, Ш. Эйзенштадт)⁴⁰.

Наконец, сетевой институционализм считает базовыми компонентами исследования сложные взаимоотношения между индивидами, группами и организациями. Как полагает К. Анселл, сети их взаимоотношений создают институты. Они выступают как ограничители личного поведения, а также в качестве ресурсных сетей (обеспечивают своих участников материальными средствами влияния, информацией и поддержкой). Сетевой анализ даёт возможность объяснить, как распределение власти и влияния, итоги политических действий обусловлены типом отношений между группами интересов, общественными объединениями и органами государственной власти.

При всех противоречиях институционалисты едины в базовых утверждениях: институты определяют политическое развитие; они обеспечивают регулярность и предсказуемость поведения; институты определяют выбор альтернатив политических проектов; институты создаются индивидами, но на них интерактивно влияет общество.

Разрыв между индивидуальным поведением и политическими институтами рождает спор: что первично, актор либо структуры? Дж. Коулмен предложил преодолеть этот спор с помощью категории «институциональный дизайн»⁴¹. Тем самым, возможно перейти от описания индивидуальных политических действий к осмыслению динамики макрополитического процесса на уровне всего общества. В итоге взаимодействий индивидов и групп образуются институты государственной власти. Они составляют сложноорганизованную иерархическую систему, способную к саморегуляции и саморазвитию. В политических системах нетоталитарного типа важна роль также негосударственных институтов политики, деятельно влияющих на выбор базовых «правил игры»⁴².

Перейдём от сравнительного анализа концепций институтов к осмыслению институциональной динамики, т.е., политической институционализации. Базовое

³⁷ Schmidt V.A. From Historical Institutionalism to Discursive Institutionalism. Chicago, 2008.

³⁸ The Oxford Handbook... P. 184.

³⁹ Панов П.В. Институциональный порядок: подходы к осмыслению и исследованию // Политическая наука. 2009. № 3. С. 36.

⁴⁰ Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004; Eisenstadt S. Comparative Civilizations and Multiple Modernities. Leiden; Boston, 2003.

⁴¹ Coleman J. The Foundations of Social Theory. Cambridge; London, 1990.

⁴² Патрушев С.В. Институционализм в политической науке. С. 32.

определение политической институционализации обосновал С. Хантингтон: «Процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость»⁴³. Причём уровень институционализации различен. Для того, чтобы его считать высоким, формы поведения людей в обществе должны обрести устойчивость, воспроизводимость и значимость.

В последующих научных дискуссиях было предложено разграничивать уровни процесса: институционализацию политического порядка общества в целом, а также – политических институтов по отдельности.

С. Хантингтон разработал базовую классификацию типов процесса на основе двух критериев: соотношения уровня развития политических институтов и политического участия. Если полития носит устойчивый демократический характер, то институционализация ведёт к: рационализации авторитета; массовому конвенциональному участию в политике; дифференциации политики в автономную сферу общества⁴⁴. Если полития авторитарна, то власть становится ценностно иррациональной; участие в политике в политике неконвенционально; сферы общественной жизни разграничиваются слабо.

Другие аналитики, в частности, Г. Бен-Дор усложнили типологию политических порядков⁴⁵. Она предполагала следующие сочетания. Низкая политическая институционализация возможна либо при слабом политическом участии (в традиционном обществе), либо при высоком участии (в ситуации переходного, модернизирующегося общества). Высокая институционализация тоже дуальна. Слабое политическое участие создаёт «переинституционализацию», когда высокоорганизованные учреждения и нормы «засушивают» независимую активность. Высокое политическое участие, напротив, характерно для консолидированной демократии.

Предложенные типологии требуют операционализации. Следует учитывать также то, что в недемократических сообществах уровень массовости политического участия не характеризует стадии институционализации.

С. Хантингтон разработал несколько шкал, позволяющих измерять степень институционализации политического порядка:

- шкалу «адаптивность – ригидность»;
- шкалу «сложность – простота»;
- шкалу «автономность – зависимость»;
- шкалу «сплочённость – раздробленность»⁴⁶.

Перечисленные измерения носят структурный и, в меньшей степени, функциональный характер. Но они недостаточно конкретны для прикладного анализа институционализации, измерения «силы» и социокультурного содержания институтов. Скорее, модель С. Хантингтона позволяет рассмотреть последовательные стадии политических изменений: формирование, развитие, деинституционализацию и реинституционализацию.

С точки зрения социологического подхода, институционализация свидетельствует об устойчивости, повторяемости, рутинности политических практик. Категорию института можно выразить в качестве устойчивых политических моделей (образцов, паттернов) социального взаимодействия и поведения.⁴⁷

Политическая институционализация власти в России имеет все черты «незападного политического процесса», определение которого дал Л. Пай⁴⁸. Среди этих черт – невыраженность границ между сферами общественной жизни; раскол в обществе в понимании базовых целей и средств политики; преобладание элит и клик в реальном при-

⁴³ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 32.

⁴⁴ Там же. С. 52-53.

⁴⁵ Ben-Dor G. Institutionalization Political Development: A Conceptual and Theoretical Analysis // Comparative Studies in Society and History. Cambridge, 1975. Vol. 17. № 3. P. 315-316.

⁴⁶ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. С. 34-37.

⁴⁷ Панов П.В. Институциональный порядок. С. 34-35.

⁴⁸ Пай Л. Незападный политический процесс // Политическая наука. 2003. № 2.

нятии решений; разрыв между словами и действиями политических акторов; резкие различия в политических ориентациях сегментов общества (поколений, страт, этносов и т.д.); символизм и эмоциональность в восприятии политики и т.д.

Таким образом, «сила» и влияние политических институтов объясняется степенью их корреляций с принятыми в обществе традициями. В особенности данная корреляция важна для обществ традиционного и архаического типа, регулирующих политические институты, прежде всего, моральными и религиозными нормами. Такие общества социоцентричны, отвергают ускоренные инновации либерального типа. Для них особенно актуальна проблема «неорганичного импорта» институтов, ведущая к отторжению или выхолащиванию исходной (заимствованной) модели правовой государственности⁴⁹.

Властные отношения пронизывают институты (формальные и неформальные), нормы, виды деятельности, ценности и ориентации политической культуры. Политическая власть сочетает в себе основные компоненты (по А.И.Амелину): 1) ось представительства интересов; 2) институциональная ось; 3) ось политической деятельности акторов; 4) ось методов принятия решений⁵⁰.

Эффективное существование власти означает, что она обеспечивает горизонтальную и вертикальную интеграцию элитных группировок. Причем политические элиты не сводятся к правящим слоям госслужащих, а означают всю совокупность высокостатусных групп общества, которые реально влияют на принятие политических решений и участвуют в распределении ресурсов власти. В России особенно велика роль неформальных обменов ресурсами, административного предпринимательства, «сетей» негласных отношений между госаппаратом и бизнес-слоями⁵¹.

Политическое властвование в России предполагает:

- 1) институты публичной власти (законодательные, исполнительные и судебные органы, принципы их строения и деятельности, совещательные структуры взаимодействия с элитными группировками;
- 2) систему формальных и неформальных взаимодействий акторов политики;
- 3) набор средств и приемов, технологий политического управления.

Система органов власти проходит институционализацию, т.е. закрепляет повседневные неформальные практики отношений в виде устойчивых институтов⁵². Политические системы рассматриваются в единстве их статичных (структурно-функциональных) и динамических (процессуальных) проявлений. Именно неинституционализм смягчает противоречие между нормативно-правовым и политико-культурным исследованием. Он «высвечивает» обратные связи между политическими институтами и интересами субъектов политики.

Политическая институционализация может быть определена как закономерный процесс изменений политической системы, путём которого организация и процедуры деятельности становятся устойчивыми, ценностно легитимными в обществе. Институционализация системы органов власти относится к уровню институционализации политического порядка в целом, а не отдельных структур со специализированными функциями. Типология политической институционализации системы органов власти даётся по сочетанию критериев: уровня политического участия и степени модернизованности общества, меры интеграции общества, степени адаптивности норм и ценностей политической культуры.

⁴⁹ Нанаева Б.Б. Политические традиции в социокультурном наследии чеченцев. Ростов н/Д., 2009. С. 98-174, 247-266.

⁵⁰ Амелин А.И. Многомерная модель политической власти // *Общественные науки и современность*. 1991. № 2. С. 48-58.

⁵¹ Кордонский С.Г. Рынки власти. М., 1999; Мясников О.Г. Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка»? // *Полис*. 1993. № 1. С. 52.

⁵² Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*. 2002. № 1. С. 6-17; № 2. С. 20-30.

Институционализация системы органов власти в Российской Федерации может быть по перечисленным критериям отнесена к типу с преобладанием неформальных традиционных норм, мобилизованным политическим участием, многосоставным характером общественных структур, низкой интегрированностью общества.

За период 1990-2009 гг. политические институты России изменялись не только вследствие динамики социальной и этноконфессиональной структуры общества, но и под влиянием внешних импульсов политических систем более высокого уровня: глобального постиндустриального сообщества, Европейского Союза. В итоге формальные институты власти адаптировались к неформальным нормам и практикам общества, что обеспечивает относительно высокую выживаемость политического порядка.

CONTEMPORARY STUDIES OF POLITICAL POWER INSTITUTES (COMPARATIVE THEORETICAL ANALYSIS)

D.S. KOKORKHOEVA

Ingush State University

e-mail: dugurhan@mail.ru

The article deals with comparative analysis of contemporary theories of political power institutes. Possibilities of normative, sociological and historical institutionalism regarding research of political power of modern Russia are determined.

Key words: political power institute, theories of political institutes, comparative analysis.